

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Научная статья
УДК 303.446.23 (81-119)
doi: 10.17223/2312461X/43/2

Классификация американских языков

Франц Боас

Аннотация. Вниманию читателей предлагается перевод статьи «Классификация американских языков» авторства Ф. Боаса (1920 г., с дополнением 1929 г.) – одного из отцов-основателей современной антропологии, «героического ментора» Исторической школы и американского дескриптивизма, включая поле, которое посвящено исследованию бесписьменных языков. К указанному времени лингвистические антропологи из Северной Америки совершили огромный прорыв в изучении и систематизации «экзотических» (неевропейских) языков, появились знаменитые шесть фил Э. Сэпира. Для понимания особенностей методологии, которой руководствовались эти исследователи, исключительно важна позиция Боаса. К сожалению, его работы на указанную тему никогда не переводились на русский язык. Представленная публикация призвана восполнить этот пробел.

Ключевые слова: Франц Боас, родство языков, компаративистика, скрещенные языки, языки коренных американцев

Для цитирования: Боас Ф. Классификация американских языков / пер. с англ. И.В. Кузнецова // Сибирские исторические исследования. 2024. № 1. С. 14–28. doi: 10.17223/2312461X/43/2

Original article
doi: 10.17223/2312461X/43/2

The Classification of American Languages (Translated from English by Igor V. Kuznetsov)

Franz Boas

Abstract. The readers are invited to familiarize themselves with an article, ‘The Classification of American Languages’ (1920, with an extension of 1929), by Franz Boas, who was one of the founding fathers of modern anthropology, as well as the “heroic mentor” of the Historical School and American descriptivism, including the field devoted to the study of unwritten languages. By the time Boas’s article was published, linguistic anthropologists from North America had made a huge breakthrough in the study and systematization of “exotic” (non-European) languages, and Edward Sapir’s famous six phyla appeared. To understand the peculiarities of the methodology that guided these researchers, Boas’s position is extremely important. Unfortunately, his works on this topic have never been translated into Russian. The presented publication is intended to fill this gap.

Keywords: Franz Boas, linguistic relationship, comparative studies, mixed languages, Native American languages

For citation: Boas, F. (2024) The Classification of American Languages (Translated from English by Igor V. Kuznetsov). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 14–28. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/43/2

1920¹

С тех пор как майор Пауэлл завершил свою классификацию американских языков, которая была опубликована в 7-м томе Ежегодных отчетов Бюро (американской) этнологии, а исправленное издание которой содержится в первом томе «Справочника североамериканских индейцев», исследователи, изучающие американские языки, уделяли больше внимания лучшему пониманию и более глубокому знанию отдельных языков, чем классификации. Большинство материала, на котором основана работа майора Пауэлла, крайне скудно, и очевидно, что более тщательные исследования покажут родство между языковыми семьями (linguistic stocks), какое нельзя было с уверенностью установить в то время. Классификация во многом основана на словарях. Многие из них содержатся в устаревшей литературе и весьма неадекватны. Другие были поспешно собраны в соответствии с требованием ситуации, и ни майор Пауэлл, ни кто-либо из его сотрудников, таких как Альберт С. Гэтшет и Джеймс Оуэн Дорси, не стали бы заявлять, что их классификация и карта распространения языков могут рассматриваться как окончательные.

В последние годы, во многом благодаря влиянию д-ра Эдуарда Сэпира, возродились попытки сравнения на основе словарей языков, которые, видимо, очень различаются, и д-ра Э. Сэпир, А. Крёбер, Р. Диксон и особенно Радин попытались доказать далекоирующие родственные связи.

Поскольку многие годы я занимал такую позицию, что при сравнении американских языков в исследовании должно продвигаться от явно близкородственных диалектов к более разнящимся формам, кажется желательным кратко изложить теоретическую точку зрения, на которой возник и до сих пор основывается мой собственный подход. Еще в 1893 году я указывал, что изучение грамматики американских языков демонстрирует наличие ряда разительных морфологических сходств между [211|212] соседствующими семьями, не сопровождающихся, однако, ощутимыми сходствами в словаре. В то время я был склонен рассматривать эти сходства как доказательство родства того же порядка,

¹ Оригинал публикации: Boas F. The Classification of American Languages // Boas F. Race, Language, and Culture. New York : Macmillan, 1940. P. 211–218. Страницы оригинала указываются в квадратных скобках в тексте.

что и у языков, принадлежащих, к примеру, к индоевропейской семье (family). Хотя дальнейшие исследования, в особенности в Калифорнии, показали, что мы можем обобщить наблюдения, сделанные мной на основе языков Северо-Тихоокеанского побережья, я сомневаюсь, что интерпретация, данная в то время, является разумной.

Когда мы рассматриваем историю человеческих языков, как она раскрывается благодаря их настоящему размещению и тому немногому, что мы знаем об их истории за последние несколько тысяч лет, представляется совершенно ясным, что нынешнее широкое распространение небольшого числа языковых семей является поздним явлением и что в более ранние времена область, занимаемая каждой языковой семьей, не была большой. Кажется разумным полагать, что число языков, какие исчезли, очень велико. Взяв в качестве примера наши американские условия, мы можем наблюдать в настоящее время, что на множестве языков говорят маленькие сообщества, и, хотя нет доказательства недавнего развития какого-либо нового, сильно отклонившегося языка, существуют многочисленные доказательства, показывающие исчезновение некоторых языков и постепенное распространение других. Как постепенно расширялась область, занимаемая индоевропейской семьей, а чужие языки становились вымершими из-за ее экспансии, так мы обнаруживаем, что китайский постепенно расширял свою область. В Сибири тюркский (Turkish) и другие туземные языки вытеснили древние местные языки. В Африке огромная экспансия банту является скорее недавней. Арабский язык вытесняет туземную речь в Северной Африке. В Америке экспансия алгонкинской речи продолжалась в течение исторического периода, и некоторые изолированные языки Юго-Востока были вытеснены крикским и родственными ему языками. В другом месте я обсуждал этот вопрос и объяснил свое видение, что, вероятно, в очень раннее время разнообразие языков среди людей того же физического типа было гораздо большим, чем сейчас. Здесь я не имею в виду, что все языки должны были развиваться совершенно независимо, но, скорее, что, если бы существовал общий древний источник нескольких современных языков, они настолько бы дифференцировались, что без исторических знаний об их развитии попытки доказать взаимосвязь языков не смогли бы увенчаться успехом.

Необходимо держать в уме, что проблемой изучения языков не является таковая [их] классификация, но наша задача в том, чтобы проследить историю развития человеческой речи. Поэтому классификация суть лишь средство [212|213] в конце. Наша цель – распутать историю развития человеческого языка и, если возможно, открыть лежащие в его основе психологические и физиологические причины. С этой точки зрения языковые феномены нельзя рассматривать как нечто единичное, но каждое проявление языковой деятельности должно изучаться сначала само по себе, а затем в их отношении к иным языковым феноменам.

Тремя фундаментальными аспектами речи человека являются фонетика, грамматика и вокабуляр. Когда мы обратимся к их рассмотрению по отдельности, то обнаружим, по крайней мере в Америке, курьезную ситуацию. Изучение фонетики показывает, что отдельные признаки имеют ограниченное и четко определенное распространение, которое в целом суть непрерывное. Приведем пример: исключительное развитие серии звуков *k* и латеральных (звуков *l*) является общим для наиболее разнящихся языков Северо-Тихоокеанского побережья, тогда как в Калифорнии и к востоку от Скалистых гор эта характерная черта исчезает. Похожим образом назализация гласных отсутствует в северо-западной части Америки, но весьма сильно развита на центральных и восточных равнинах. Лабиализация звуков *k* после *o* или *u* широко распространена на крайнем Северо-Западе и нечаста за пределами этой территории. Изучение фонетики Америки недостаточно развито, чтобы детально описать области распространения характерных звуков или групп звуков, но на основании того, что нам известно, можно с уверенностью заявлять, что сходные фонетические черты часто принадлежат языкам, которые морфологически совершенно различны, и что, с другой стороны, в одной и той же языковой семье (linguistic stock) развивались весьма большие фонетические различия.

Изучение морфологии американских языков иллюстрирует также определенные области характеристики. Например, наиболее поразительно то, что редупликация как морфологический процесс встречается пространно на Великих равнинах и в восточном Вудлэнде, а также в части тихоокеанского побережья к югу от границы Британской Колумбии с Аляской. Среди великих семей севера она совершенно неизвестна. Инкорпорация, которая в ранние времена рассматривалась как одна из наиболее характерных черт американских языков, также ограничивается некоторыми определенными группами. Она типично развита в шошонской группе, пони, кутенэй и ирокезской, тогда как к северу от этого региона либо отсутствует в своей характерной форме, либо развита слабо. Употребление инструменталиса, который указывает на способ действия, выполняемого частями тела или другими инструментами, также в целом показывает непрерывное распространение. Это фундаментальная черта в кутенэй, шошонских и сиу, и в каждой из них она выражена в похожей манере [213|214]. Употребление подлинных падежей и локатива, как и сходных именных форм, имеет место в шошонском языке и у некоторых его соседей, тогда как в других регионах оно скорее редкость. Еще большим значением обладает дифференциация именных и глагольных концептов, а также между нейтральными и активными глаголами, распределение которых несколько иррегулярно.

Хотя наше знание этих явлений в любом смысле не является адекватным, кажется достаточно ясным, что если изучить детально разные признаки, области их распространения не совпадут.

Изучение словаря предоставляет похожие условия. Казалось бы, число заимствованных слов в американских языках не так велико, как в европейских языках. По крайней мере, сложно распознать заимствованные слова в большом количестве. Однако поразительно то, что категории слов, которые встречаются в соседствующих языках, иногда весьма схожи. Это проявляется, например, в случае терминов родства. Характерным примером является то, до какой степени взаимно используются термины родства на западных плато. Понятно, что номенклатура и культурные состояния тесно связаны, и, следовательно, кажется правдоподобным, что сходство в основных категориях лексики будет иметь место там, где культурные условия те же или почти те же.

Это замечание не имеет прямого отношения к корням (*stems*), которые лежат в основе словообразования. До определенной степени они зависят от морфологических характеристик, по крайней мере, настолько, что несуществующие грамматические категории должны восполняться иными способами. Когда, к примеру, в некоторых языках, таких как эскимосский, отсутствуют элементы наречного типа (*adverbial elements*), которые соответствуют нашим предлогам (в, из, вверх, вниз и т.д.), они должны быть восполнены специальными глаголами, не обязательно существующими в языках, изобилующих локативными глагольными элементами. В целом можно наблюдать определенную корреляцию между лексикографическим и морфологическим аспектами языка. Чем чаще «материальные» понятия (в штейнталевском смысле) выражаются морфологическими приемами, тем более генерализованными в целом являются основы слов, и слова образуются в основном отграничением этих основ. Когда мы находим сходную структуру, мы обнаруживаем, следовательно, и тенденцию к развитию сходных категорий основ. Однако есть и другие, которые не настолько детерминированы. Например, для многих американских языков характерно то, что глагольные идеи выражаются различными основами в зависимости от формы объекта, по отношению к которому глагол выступает как сказуемое (*the verb predicates*). Эта черта особенно проявляется в глаголах существования и движения, так что различается существование или движение предмета круглого, протяженного [214|215], плоского и т.д. Эта черта заметна среди прочих [языков] в атапаскских, тлинкитском, квакиутль и сиу.

Хоть я не склонен категорически утверждать, что области распространения фонетических явлений, морфологических характеристик и групп, основанных на сходствах словарей, абсолютно различны, полагаю, что необходимо отвечать на этот вопрос эмпирически, прежде чем мы сможем приступить к решению общей проблемы истории современных американских языков. Если окажется верным, а я верю, что это так, что все эти различающиеся области не совпадают, тогда неизбежен вывод, что разные языки должны были оказывать перспективное влияние

друг на друга. Если эта точка зрения верна, то нам следует задаться вопросом, насколько явления аккультурации распространяются и на владение языком.

Учитывая условия жизни в примитивном обществе, становится понятно, как фонетика одного языка может влиять на нее же в другом. Многие американские племена весьма малы, и межплеменные браки, если их сравнивать, часты либо благодаря мирным сношениям, либо из-за похищения и порабощения женщин после военных набегов. В каждом племени всегда должно быть значительное число чужеземцев, которые поздно в [своей] жизни овладели чуждым языком, и которые посему передали чужое произношение своим детям. Правда, мы не можем привести определенных наблюдений, доказывающих распространение данного феномена, но вряд ли стоит сомневаться в том, что эти процессы имели место в случаях, когда число чужих женщин было значительным в пропорции к числу коренных. Объективное изучение языков также показывает, что фонетические влияния действительно распространяются от одного народа к другому. Наиболее характерным примером, вероятно, являются южные банту, которые усвоили кликсы бушменов и готтентотов, несмотря на враждебность, которая царилла между этими группами.

Не так-то просто понять развитие сходных категорий слов в соседних языках. Несомненно, что социальная и политическая организация, а также религиозная жизнь стали схожими у соседних племен благодаря процессу аккультурации. Сходство форм жизни порождает необходимость в развитии терминов, выражающих эти формы, и так непрямо вызывает сходство тех идей, которые выражаются словами. Когда мы применяем это допущение к таким концептам, как термины родства, относительно которых у нас остается сомнение, порождает ли термин чувство, сопровождающее суммирование [215|216] индивида под [какой-либо] категорией, или же чувство создает термин, трудно понять психологический процесс, приводящий к сходству классификации, хотя факты распределения доказывают, что сходства обусловлены диффузией. Эта трудность становится очевидной, если мы имеем дело с фундаментальными понятиями, содержащимися в древних корнях (stems), лежащих в основе современных слов. К примеру, как природа ума должна классифицировать всякое движение согласно форме, распространившейся из одного языка в другой?

Равным образом трудно понять распространение морфологических признаков из одного языка в другой. Тем не менее я весьма склонен считать, что такие перемещения действительно происходят, и даже полагаю возможным, что они могут изменить фундаментальные структурные характеристики. Такого рода примером является вторжение именных падежей в верхнечинукские диалекты, предположительно благодаря влия-

нию [языка] сахаптин. Я считаю, что особенное развитие второго третьего лица в кутенэй, которое столь характерно для алгонкинских, также обязано феномену контакта, ибо мы вряд ли где-то обнаружим похожее продвижение этой тенденции. Еще один случай своеобразного параллелизма встречается среди эскимосов и чукчей. Несмотря на фундаментальные различия между двумя языками, современное развитие глагола с его многочисленными полупричастными формами показывает своеобразный параллелизм. Рассматриваемые черты совершенно отсутствуют в соседствующих языках, и по этой причине трудно удержаться от заключения, что эти сходства должны быть обязаны историческим причинам.

Распространение таких явлений по всему миру настолько нерегулярно, что было бы совершенно неоправданно утверждать, что все сходства в фонетике, классификации понятий или морфологии обязаны заимствованиям. Напротив, их распределение показывает, что их следует рассматривать как обусловленные психологическими причинами, такими как неизбежная необходимость классификации опыта в речи, которая может привести лишь к ограниченному числу категорий, или физиологические возможности артикуляции, также ограничивающие диапазон возможных звуков, достаточно различимых ухом и ясных для понимания.

Приведу несколько примеров: вряд ли можно настаивать, что множественные инструментальные префиксы хайда и такие же в шошонском, кутенэй и сиу исторически связаны. Это правда, что шошонский, кутенэй и сиу образуют непрерывную группу, к которой можно было бы добавить многие калифорнийские языки. Учитывая непрерывность этого ареала и отсутствие аналогичных форм вне его, я сильно склоняюсь к тому [216|217], чтобы поверить, что к их особенному развитию должна была привести какая-то историческая причина, но было бы трудно связать исторически с этим районом хайда. Точно так же опрометчиво увязывать интенсивное развитие глоттализированных звуков в Чили с аналогичными звуками Северо-Западного побережья Америки; различие между нейтральными и активными глаголами среди майя, сиу и в тлинкитском или появление трех родов в индоевропейских и чинук.

Наш опыт в индоевропейских и семитских языках ясно показывает, что могут происходить широкие заимствования слов и что заимствованные слова претерпевают такие изменения, что их происхождение будет понято только путем исторического изучения. На то, что похожие явления имели место в американских языках, указывает распространение таких слов, как названия животных и растений, кои в некоторых случаях заимствуются. Другие классы именных концептов не так подвержены заимствованию из-за широкого использования во многих американских языках описательных терминов. Тем не менее в смешанных поселениях можно обнаружить и значительное количество заимствованных слов.

Такого рода пример представляют комок острова Ванкувер, которые говорят на сэлишском языке с сильной примесью слов квакиутль, или белла кула – еще один сэлишский народ, заимствовавший многие квакиутльские и атапаскские термины. Нет особой трудности в понимании процесса, который приводит к заимствованию слов. Межплеменные контакты должны действовать в этом отношении сходным образом, как и международные контакты в наши времена.

Если эти наблюдения относительно влияния аккультурации на язык верны, то историю американских языков в целом нельзя рассматривать, исходя из предположения, что все языки, демонстрирующие сходство, должны расцениваться как ветви одной и той же языковой семьи. Скорее, нам следует найти феномен, параллельный чертам, характерным для других этнологических явлений, а именно развитие из разнообразных источников, которые постепенно перерабатываются в одну культурную единицу. Мы должны принимать во внимание тенденцию языков поглощать чужеродные черты в таком множестве, что больше мы уже не сможем говорить о едином происхождении и что было бы произвольным связывать [некий] язык с тем или другим стволом (stock), внесшим [свой] вклад. Иными словами, в целом теория “Ursprache” для каждой группы современных языков должна быть отложена до тех пор, пока мы не докажем, что эти языки восходят к единому стволу и что они не возникли в значительной степени благодаря процессу аккультурации.

Справедливо, что при сравнении современных индоевропейских [217|218] языков без какого-либо знания их предыдущей истории могло бы очень трудно доказывать родство, скажем, между армянским и английским языками, и нам пришлось бы принять заключение, аналогичное предложенному здесь. Частично этот вывод был бы верным, ибо наши современные индоевропейские языки содержат много материала, не являющегося индоевропейским по происхождению. Фундаментальный вопрос заключается в том, может ли этот материал стать настолько обширным и настолько повлиять на морфологию, что включение языка в ту или иную группу будет произвольным.

Суммируя, представляется, что критическое отношение к данной проблеме вынуждает подойти к нашей задаче с трех точек зрения. Во-первых, мы должны изучить дифференциацию таких диалектов, как суские, маскогские, алгонкинские, шошонские, сэлишские и атапаскские. Во-вторых, необходимо осуществить детальное изучение распространения фонетических, грамматических и лексикографических явлений, последнее также включает, в частности, принципы, на которых основывается группировка понятий. Наконец, наше изучение должно быть направлено на исследование не только сходства языков, но столь же интенсивно и на их различия. Только на этой основе мы сможем надеяться на решение общей исторической проблемы.

1929¹

[Классификация американских индейских языков]

Автор указывает на случаи, когда сопредельные языки, хоть и различные по структуре и словарю, совместно демонстрируют разительные морфологические особенности, которые должны были распространиться посредством заимствований из языка в язык. Следовательно, просто генеалогическая классификация не может адекватно представить развитие, но также должна быть принята в расчет «гибридизация».

В статье, опубликованной в 1920 году, я обсуждал проблему взаимоотношений языков американских индейцев. Я указывал, что морфологические типы распределены по большим ареалам и что в этих морфологических группах возникают различия, представляющие характер словаря, что затрудняет предположение о том, что языки, на которых сейчас говорят, происходят из одного и того же “Ursprache”. Я также указывал, что в малых языковых единицах ранних времен условия смешения совершенно отличались от тех, что обнаружены в языках, на которых говорили в крупных ареалах многие индивиды. Дальнейшее рассмотрение проблемы привело к заключению, что ответ на основной вопрос следует искать в исследовании взаимных влияний и того, в какой степени они могут видоизменить языки, в частности, насколько один языковой тип может повлиять на морфологию другого.

Полагаю, каждый согласится, что слова могут быть заимствованы и могут изменить словарь языка; также вероятно, что фонетический характер одного языка может повлиять на то же у его соседей. В упомянутой выше статье я привел несколько общих примеров, и хочу добавить еще один пример, который кажется особенно поучительным. Нез-перс, восточный сахаптинский язык, обладает строгими правилами гармонии гласных, согласно которым гласные можно разделить на два класса: *a* и *o* в качестве одной группы и все остальные в качестве второй. В системе консонантов встречается *s* с приподнятым краешком языка и серия зубного *t*. Другим характерным звуком является звонкая аффриката, что-то [219|220] похожее на *dl*. В XVIII столетии большая группа сахаптинов проникла в штат Вашингтон, а некоторые из них пересекли Каскадные горы, где смешались с проживавшими там сэлишскими племенами. Фонетические элементы современного диалекта этого региона практически идентичны таковым соседних сэлишских племен. Система гласных та же. От гармонии гласных не осталось и следа.

¹ Оригинал публикации: Boas F. Classification of American Indian Languages // Boas F. Race, Language, and Culture. New York : Macmillan, 1940. P. 219–225. Страницы оригинала указываются в квадратных скобках в тексте.

Мы признаем, что сравнение словарей языков, история которых неизвестна, представляет серьезные трудности и что изменения, вызванные звуковыми передвижениями (*the shifting of sounds*), семантической модификацией и новообразованиями, могут быть настолько многочисленными, что идентификация становится возможной лишь в исключительных случаях. Языки ведут себя в этом отношении по-разному. Некоторые из них, как эскимосский, настолько консервативны, что даже сейчас дифференциация диалектов Аляски и Гренландии слаба, хотя обе группы разделились более тысячи лет назад. Тем поразительнее дивергенция словаря алеутского [языка], вероятно, родственного. Ацтекский менялся по мере того, как пропал более высокий литературный стиль, исчезли старые идеи и появились новые при сопутствующем изменении словаря. В синтаксисе испанские типы восторжествовали в подчинении и сочинении предложений. Во всех других отношениях современный язык не изменился. Кажется даже возможным признать диалектные различия между разными областями, которые можно реконструировать на основе грамматик начала XVI века. С другой стороны, селишские языки Британской Колумбии и Вашингтона иллюстрируют большую нестабильность в морфологии и лексикографии. Можно только догадываться, каковы причины различий в поведении разных языков. Часто выраженное мнение о том, что «примитивные языки» очень быстро претерпевают изменения, верно лишь в весьма ограниченной степени.

Несомненно, во многих случаях языки, возникшие из одного и того же источника и изменявшиеся только внутренними силами, могли стать настолько разными, что без исторических данных невозможно установить их родство. Тем не менее остается вопрос, могла ли произойти гибридизация языков (*hybridization of languages*) не только в фонетике и словарном запасе, но и в морфологии.

Насколько мне известно, действительный процесс переноса грамматических категорий из одного языка в другой никогда не наблюдался, хотя известно, что происходят малые изменения, такие как принятие кое-где [той или иной] формы, и синтаксические влияния. Синтаксическая модификация [220|221] американских языков под влиянием испанского предлагает хороший пример изменений последнего типа. Доказательство диффузии морфологических форм может быть лишь непрямым, основанным на фактах распространения и частичного соответствия вкупе с фундаментальными различиями.

В некоторых случаях далекого морфологического сходства, как в атапаскских и тлинкитском, мы можем чувствовать, что ассимиляция структуры более древнего языка атапаскскими довольно невероятна и что если не удастся обнаружить словарное соответствие надежнее, чем было представлено к этому времени, мы можем заподозрить, что вторгшимся атапаскским был принят более древний словарь. До тех пор, пока

определенные фонетические передвижения не будут доказаны достаточным количеством параллельных форм и не будет проведено исчерпывающее сравнение словарей, мы должны признать, что в двух языках невозможно идентифицировать обширную массу основ, включая местоимения, числительные и большинство других основ, и оставить открытым вопрос, может ли быть получен из общего источника лексикографический материал целиком или его большая часть.

Более трудны те случаи, когда имеется частичное согласование по морфологическим признакам между соседними и явно различающимися языками и расхождение в диалектах очевидно родственных языков. Могу привести пример такого рода. Я уже упоминал ранее о гармонии гласных в неперс. Насколько мне известно, только кус в Орегоне последовательно показывает похожее явление. Неизвестно, обладают ли им соседние молала и калапуя. Другие сахаптинские диалекты не демонстрируют его.

В чинук имеется местоименный род. Существуют не только местоимения трех родов – или, точнее говоря, пяти именных категорий, ибо двойственное и множественное число принадлежит к той же системе, – но каждое существительное обладает префиксом одного из пяти местоимений. Ни в одном из языков граничащих групп не имеется категории рода, исключая ряд диалектов, расположенных в непосредственной близости от чинук, особенно всех диалектов элишских племен, которые проживают вдоль побережья в северном и южном направлениях, и квилеут (Quileute). Во внутренних элишских диалектах род не встречается. Если будет подтверждено, что квилеут родствен вакашским, с которым он показывает морфологическое сходство, то это будет единственный язык руппы, имеющий род. Во всех этих указаниях род ограничивается местоимением.

В чинук диминутивы выражаются изменением согласных. Звонкие и глухие консонанты глоттализуются, а *ʃ* меняется на *s*. Велярные фрикативные становятся средненебными фрикативными. Соседствующие сахаптинские группы, которые фундаментально отличаются от чинук, используют изменения согласных [221|222] с той же целью. Некоторые из [этих] изменений такие же, как и в чинук: *ʃ* меняется на *s*, велярные – на средненебные, а кроме того, происходит смена *n* на *l*.

Мы обнаруживаем спорадическое, окаменевшее использование того же самого процесса в элишском диалекте, на котором говорят к северу от области чинук, в кус – на побережье Орегона (Handbook of American Indian Languages, part 2¹ и в качестве живой [еще] черты – в вийот в Северной Калифорнии. В последнем примере географическую смежность установить нельзя.

¹ Frachtenberg L. Coos // Handbook of American Indian Languages. Part 2. Washington: Government Printing Office, 1922 (Bulletin No. 40, Bureau of American Ethnology). P. 383.

Следует отметить, что в то время, как род существует вдоль побережья в северном и южном направлениях, образование диминутива путем изменений согласных происходит на территории, простирающейся на восток.

Еще одно любопытное сходство можно проследить между квилеут, квакиутль и цимшиан, на которых говорят в области, простирающейся от штата Вашингтон до аляскинской границы. В этих трех языках местоименное выражение существительного (или артикля) трактуется по-разному для имен собственных и нарицательных. Они образуются посредством двух отдельных классов. В квилеут и квакиутль обнаруживается дальнейшее соответствие, поскольку артикль, употребляемый с именами собственными, также употребляется и для неопределенных, т.е. неизвестных объектов. К примеру, «я ищу кита» – неопределенное, «я нашел кита» – определенное.

Во многих американских языках проводится четкое различие между владением субъектом и владением другим лицом, подобно латинским *suus* и *ejus*. Небольшая группа, включающая эскимосский, алгонкинские и кутенэй, выражает эти отношения особыми глагольными формами – так называемым обвиативом миссионеров, писавших по-алгонкински, четвертым лицом Талбицера. Феномен наиболее выражен в кутенэй из-за того, что даже в случае простого переходного глагола с субъектом в третьем лице и именным объектом присутствие двух третьих лиц обозначается обвиативным суффиксом, следующим за именным объектом. Интересно отметить, что западные сахаптинские языки, которые, в целом, примыкают к кутенэй, делают такое же различие для подлежащего в предложениях, содержащих только одно третье лицо, и в случае, если предложение содержит два третьих лица. И в кутенэй, и в западных сахаптинских существует дифференциация между формами в таком предложении, как «мужчина видел меня» и «мужчина видел женщину». В кутенэй различие обнаруживается в объекте, в сахаптинских – в субъекте. В некоторых сахаптинских диалектах эта черта обнаруживается только в местоимении, а не в существительном. Общее употребление одинаково в только что рассмотренной группе языков, несмотря на разницу в используемых средствах (devices) [222|223].

Следующую интересную особенность можно наблюдать в языках Северотихоокеанского побережья. Указательные местоимения часто детально разработаны. Они не только видят различия между лицом рядом с говорящим, рядом с лицом, к которому обращаются, и рядом с лицом, о котором говорят, но часто добавляют более точную локацию. Тлинкит Аляски дифференцирует то, что находится рядом с ним, но ближе, чем ты, и то, что находится рядом с ним, но дальше тебя; или могут быть обозначены позиции впереди, позади, над или под говорящим. Среди племен, растянувшихся от реки Колумбия на север до Аляски, – та же

группа, которая делает различие между именами собственными и именами нарицательными, – вводится другое указательное понятие, а именно видимости и невидимости. В чинук есть демонстративы, обозначающие, к примеру, «рядом с говорящим, видимое». То же самое происходит в квилеут и береговом сэлиш, но не в диалектах внутренних сэлишей. Это же является характерной чертой квакиутль. Мне не известно о ее появлении ни в одной другой группе соседних языков.

Еще одной особенностью, характерной для части той же группы, является разделение местоименного субъекта и объекта в переходных глаголах. Глагол, не сопровождающийся тем, что мы должны бы назвать наречием, принимает суффикс, состоящий из комбинированных местоименного субъекта и объекта. Когда глагол сопровождается определяющим наречием, субъект присоединяется к этому определителю, который принимает форму непереходного глагола, в то время как объект остается прикрепленным к основному глаголу. «Я не видел его» можно было бы выразить словами «не-я вижу-его». Эта тенденция проявляется точно в такой же форме в квилеут, береговом сэлиш и вакашских. В цимшиан она не так полно развита, ибо местоименный субъект в сослагательных формах предшествует глаголу и фонетически соединяется с предшествующим наречием. Аналогия, однако, не является строгой.

Еще одно интересное сравнение может быть сделано между чукотским и эскимо(сским). Что касается общей формы, эти два языка совершенно различны. Чукотский использует концевую редупликацию, префиксы, суффиксы и гармонию гласных. Кроме того, существуют жесткие правила относительно скоплений начальных согласных, которые приводят к важным изменениям в форме основы. Ничего из такого рода [явлений] в эскимо[сском] нет. Нет редупликации, каких бы то ни было префиксов, следов гармонии гласных. Какие-то изменения в основе происходят благодаря влиянию суффиксов. С другой стороны, имеет место определенное число категорий, которые являются общими для этих двух соседствующих языков. Формы множественного числа одинаковы – и эскимо(сский), и чукотский образуют форму множественного числа суффиксом *t*. Именной субъект в эскимо(сском) трактуется по-разному в случае переходных и непереходных глаголов [223|224]. Субъект переходного глагола имеет то, что можно было бы назвать относительной формой, общей как для родительного падежа, так и для транзитивного субъекта. Субъект непереходного глагола имеет ту же форму, что и объект переходного глагола. Эта черта встречается и в иных языках, как сахаптинский, и обнаруживается в местоименных формах многих других языков. Но в циркумполярной области только чукотский и эскимо(сский) обладают подобной дифференциацией именных форм. Процессы, посредством которых осуществляется эта дифференциация в эс-

кимо(сском) и чукотском, совершенно различны, ибо объект в чукотском образуется путем концевой редупликации; в эскимо(сском) же субъект отличается суффиксом. Более того, в обоих языках мы обнаруживаем значительное число послелогов, которые выражают отношения места, такие как «у», «к», «от» и т.д. Аналогия в модальном развитии глагола также весьма поразительна. Примечательно разнообразие причастных форм, которые могут принимать личные местоимения, и заметное сходство показывает группа понятий, выраженных модальностями.

Рассматривая эти данные в целом, можно сказать, что в значительном числе туземных языков Северотихоокеанского побережья мы обнаруживаем, несмотря на фундаментальные различия в структуре и словаре, сходства в отдельных грамматических чертах, распределенных таким образом, что поразительные сходства показывают соседствующие языки. Области, в которых обнаруживаются сходные черты, не совпадают по сравниваемым признакам.

Мне кажется почти невозможным объяснить это явление без допущения диффузии грамматических процессов в сопредельных областях.

Здесь должно подчеркнуть смежность распределения, ибо сравнительная грамматика ясно показывает, что сходные черты могут развиваться независимо в разных частях света. Категории рода, фонетическая близость между Северо-Западным побережьем и Чили, применение редупликации и многие другие черты проявляются при таком распределении, при каком историческая связь исключается. С другой стороны, распространение одной и той же особой группировки понятий или одних и тех же способов выражения по сопредельным областям вряд ли можно объяснить на основе независимого происхождения.

Насколько я могу видеть, попытка объединить различные языки сопредельных областей, которые обладают схожими процессами, невозможна из-за фундаментальных различий в концептуализации, грамматических процессах и словаре.

Обсуждаемые здесь феномены ведут к результату, аналогично [224|225] достигнутому К. Лепсиусом в его изучении африканских языков. Он заключил, что в Африке встречается большое число смешанных языков. Его выводы во многом подтверждаются недавними исследованиями, особенно суданских языков. Также имеются параллели с результатами, полученными Х.Г. фон дер Габеленцем в его изучении языков Новой Гвинеи и Меланезии, а его умозаключения обосновываются недавними изысканиями Демпвольфа. Проблема хорошо сформулирована профессором Прокошем, который настаивает на детальном сравнении европейских языков со всеми их соседями, к какой бы языковой семье (linguistic stock) они ни принадлежали. Это согласуется также с точкой

зрения Г. Шухардта, который указывает, что существует градация, начинающаяся с небольшого числа заимствований и продолжаясь через более интенсивное перемешивание, вплоть до полной смены языка. Вопрос, который интересует нас, суть не теоретическая дефиниция родства языков, как его определяет Мейе, но только их исторического развития.

Если высказанный взгляд верен, тогда невозможно жестко сгруппировать американские языки в генеалогическую схему, которая показывала бы развитие каждой языковой семьи вплоть до современных форм, но мы должны признать, что многие языки имеют множественные корни.